

О СИМВОЛИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Знакомство европейцев с культурой средневекового Китая началось лет триста тому назад, однако их проникновение в эту страну началось гораздо раньше. Активный диалог между представителями двух цивилизаций был обусловлен сугубо экономическими и идейными соображениями, и начат он был португальцами и англичанами. Следует сразу сказать, что ни европейцы, ни китайцы не испытывали никакого восторга от взаимного общения - слишком непохожи были эти культуры. Каждая из сторон почитала противоположную варварской, стоящей на низком уровне развития, причем критерии оценки были различными. Китайцы с презрением, а порой и с неподдельным ужасом наблюдали за странными привычками и манерами португальцев, которые по несколько раз на день теряли свое лицо: то они, словно нищие, бродили по болотам в поисках дичи, то скакали на балах в обнимку с полуодетыми дамами, то занимались спортом. Сами китайцы полагали, что им нечего заимствовать от западной культуры, полагая свою собственную самодостаточной и совершенной. Наводить мосты доверия пришлось европейцам.

Понять и принять другую культуру можно только тогда, когда освоено уклад жизни, понятны ритуалы и система символов и образов, свойственных данной культуре. Для этого нужно обратиться к её истокам. Китайская культура, как справедливо отмечают многие специалисты, в частности Л.С. Васильев, отмечают в качестве её важнейшей особенности непрерывность, которая обусловлена ориентацией на сохранение и приумножение традиций древности. Связь с предыдущими поколениями обеспечивалась в первую очередь за счёт сохранения практически неизменным языка и через создание в философии, искусстве и литературе устойчивой системы символов, которые проникли глубоко в сознание людей и в их быт.

Истоки древнейшей символики следует искать в самом почитаемом китайцами источнике, датируемом VIII-VII вв. до н.э. - в «И цзине». Эта книга содержит древнейшее знание о мире, которое выражается в констатации двоичного кода мироздания, основанного на постоянном творческом взаимодействии сил ян и инь; подчёркивается цикличность процессов изменения действительности, а также, что очень важно было для становления философских концепций, в рамках данного источника излагается учение о пяти стихиях, составляющих основу мироздания и взаимодействующих между собой (вода, земля, дерево, огонь и металл) основ.

Существует много исследований, посвящённых «И цзину». Наиболее известной является труд Ю.К. Щуцкого. Нас будут интересовать прежде всего гексаграммы как особая символическая система демонстрации поэтапного развития действительности. Гексаграммы состоят из сплошных (символизирующих силу ян) и прерывистых (олицетворяющих силу инь) линий. Существует восемь триграмм, которые в различном сочетании дают 64 возможные комбинации. Это и есть число возможных ситуаций действительности. Заметьте, что сумма чисел 6+4 даёт десятку и это очень важно. В ряду чисел от единицы до десяти китайцы выделяли «мужской» ряд или так называемые числа Неба (1, 3, 5, 7, 9) и «женский» или числа Земли (2, 4, 6, 8, 10). Иногда в более поздних текстах говорится, что число Неба - 25, а число Земли - 30. Действительно, если сложить цифры в каждом ряду, указанном выше, мы получим искомые суммы.

Тройка по праву считается символом мироздания, потому что она состоит из единицы как символа мужского начала и двойки-символа женского начала. Та же мысль выражена в триграмме, хотя её можно назвать к тому же графическим выражением структуры мироздания, поскольку изначальная черта(нижняя) символизирует природу, средняя - социум и человека, а верхняя - Небо. Заметьте, что человек занимает очень ответственное срединное положение и гармония вселенной во многом зависит от него. Совершенно очевидно, что идея ответственности и порядка, которые проповедовал Конфуций, и идея самосовершенствования личности вне общества, идея слияния с природой, которые возвестил миру Лао цзы,- это по сути дела итог их размышлений о структуре мироздания и способах обеспечения гармоничности существования. Мысль о том, что мироздание имеет три уровня, была выражена у многих народов, но именно у китайцев она обрела глубокое философское содержание и ярко выраженный символический характер.

Идея Неба связана с числами «3» и «9» (3х3; 9х9). В китайских сказках, как впрочем и в русских, герой как правило отправляется «за тридевять земель». Путь обычно определяется комбинаций чисел ян. Графически символ Небо изображается в виде круга, потому что круг образует одна замкнутая линия.

Число двенадцать также считается числом Неба, во-первых, потому что его сумма даёт тройку, а во-вторых потому, что созвездий Зодиака тоже двенадцать. К тому же поделенное на тройку, оно даёт четверку - число сезонов. Геометрической эмблемой Земли стал квадрат. Графическую символику Неба и Земли можно признать довольно распространённой. Например. Она учитывается при возведении христианских пятикупольных храмов и мусульманских мечетей. Если обратиться к китайским древним мифам, то символика круга и квадрата окажется связанной с двумя героями космогонических мифов - с Нюй-ва и Фу-си. Условно эту пару можно назвать устроителями Поднебесной. Фу-си поначалу изображался с угольником в руках, с помощью которого можно начер-

тить квадрат, а Нюй-ва, его жена, сестра и соправительница (мифы здесь расходятся во мнениях) - с циркулем. Позднее неизвестные художники внесли коррективы и заставили героев «обменяться инструментами», и круг стал соответствовать Фу-си как воплощению сила ян, а квадрат Нюй-ва.

Число пять также имеет смысл и символизирует пять жертв (у-сы), приносимых духам внутренних ворот, очага, наружных ворот, дорог и середины дома. Условий счастья (у-фу), по мнению китайцев, тоже пять: долголетие, богатство, здоровье и покой, радость любви к добродетели и жизнь до конца, предопределённого судьбой. Кроме того существует учения о пяти первоэлементах (у син) и о пяти цветах. Последнее связано с представлениями о пяти сторонах света (помимо общепринятых китайцы выделяли дополнительно центр). Согласно мифологии богиня Си-Ван-Му ведаёт пятью наказаниями и с их помощью «воспитывает» людей. Помимо этого на территории Китая расположены пять священных гор. Все эти моменты отражены в схеме, которая представлена в конце статьи. Данная схема составлена путём наложения схемы мироздания по Кумадзава Бандзану (17 век) на круговую модель триграмм, приписываемую Вэн-вану (обстоятельную информацию, касающуюся этого вопроса смотрите в книге Ю.К. Щуцкого). Схема дополнена теми символическими рядами, которые удалось выявить в процессе знакомства с китайским искусством и литературой, а также с исследованиями синологов. Возвращаясь к «И цзину», следует сказать, что каждая триграмма имеет название, свойство и образ. Триграммы сориентированы по странам света и в каждой из пяти властвует одна из стихий. Соответственно выделяется четыре сезона, но учитывая тот факт, что юг и центр ассоциируются с концом и серединой лета, то его «хватает» на обозначение всех пяти направлений.

Востоку соответствует триграмма **чжень** (возбуждение), а зелёный цвет символизирует весну, то есть время появления молодых побегов, зелёных листьев. Недаром здесь господствует стихия Дерево. На востоке просыпается день, и здесь же находится обитель Зелёного дракона цайлуна. Дракон всегда считался носителем и воплощением мужской сущности, и мы видим, что он как раз и находится в том полукруге схемы, которая обозначена зоной Ян. О драконе хочется рассказать поподробнее. На сегодняшний день нет каких-либо точных данных, проливающих свет на происхождение этого образа в мифологии. Такое ощущение, что он был всегда. Вот как описывается образ этого огнедышащего монстра: «Голова, как у верблюда, рога, как у оленя, глаза, как у зайца, уши, как у коровы, шея, как у змеи, живот, как у морского животного шень, чешуя, как у карпа, когти, как у ястреба, ладони, как у тигра... На его спине 81 шип, полностью 9х9, как подобает силе ян... под подбородком есть светлая жемчужина, а на голове гора Бошань» (3, 26).

Число девять, таким образом, ассоциируется с драконом, который к тому же является символом перемен, так как сущность триграммы

чжень - подвижность, а её образ - гром. Пылающая жемчужина хочжу как раз и призвана выражать эту сущность, потому что в центре её часто изображается спираль, которую можно воспринимать как аналог шаровой молнии.

В древности на зеркалах дракон изображался в виде рогатого змия, окружённого рыбами и птицами. Очевидно, что эти фигуры символизируют трёхуровневую структуру мироздания, как триграммы и гексаграммы. Птицы относятся к небесному уровню, рыбы олицетворяют водную стихию, а дракон как бы осуществляет связь между вышеназванными. В системе космогонических мифов других народов картина примерно аналогична, правда иногда употребляется не три, а четыре фигуры, но принцип остаётся троичным. Например, у северо-американских индейцев хайда символический столп вселенной состоит из четырёх фигур: в самом низу покоится рыба, на ней стоит женщина, на плечах её стоит мужчина, а голову его венчает орёл. В китайском варианте дракон символизирует союз Неба и Земли, мужчины и женщины. В китайской классической поэзии дракон прочно ассоциируется с востоком. Ли Бо в стихотворении «Рассвет и закат» пишет так:

Солнце встает
из восточных змеиных теней,
Словно восходит
с самого дна земного.
Небо измерит - и снова
просит приюта у западных вод.
Где ж, наконец, стены крова,
где шестёрка драконов ночлег обретёт?
(1, 83)

Шестёрка драконов появляется в этом стихе неслучайно. Согласно древнему мифу ею правит богиня востока Си Хэ. В книге Юань Кэ собраны мифы различных областей Китая и в них говорится, что она была матерью солнца (точнее прародительницей десяти солнц, которые имели вид трёхпалых золотых воронов и восседали на мировом древе - гигантской шелковице). По другой версии Си Хэ была супругой божества востока - Дун-вангуна. У Ли Бо есть ещё одно интригующее описание дракона, быть может, относящееся к каким-то ещё более отдалённым представлениям об этом существе. Приведу лишь две строки:

Дракон-Свеча у Двери Стужи обитает,
Чуть приподымет веки - на весь свет - рассвет
(1, 87).

Здесь речь идёт о мифическом драконе с телом змеи и лицом человека. Он стережёт вход в пещеру под названием Врата Стужи. Вместо зубов у дракона пылающие свечи, и когда он раскрывает страшную пасть и открывает глаза, то весь мир озаряется светом. Учитывая тот

факт, что солнечный свет не доходит до этого мрачного места, возникает вопрос: а не о входе ли в преисподнюю идёт речь?

Разговор о символике в культуре Китая мы начали с «Книги Перемен», затем коснулись мифологии и теперь самое время сказать несколько слов об особенностях цветовой гаммы. В начале было сказано, что восток связывается в сознании китайцев с зелёным цветом, но оказывается, что для его обозначения существует два названия. Известный специалист-синолог Э. Шефер в объёмном труде «Золотые персики Самарканда» в разделе, посвящённом описанию драгоценных камней, анализирует понятие *цин*, которым обозначали зелёный цвет. Он приходит к выводу, что данным понятием в далёком прошлом обозначали не зелёный, а скорее синий цвет. Шефер ссылается на китайского автора по имени Ван Куй, который в сочинении «Ли - хай цзы» говорит следующее: «Могут спросить, почему цвет этих деревьев совершенно синий, когда все растения и деревья бывают зелёными. Ясно, что это потому, что зелёный - цвет между синим и жёлтым, а поскольку деревья не могли бы вырастать, если бы не земля, синее становится зелёным благодаря своей зависимости от жёлтого» (4, 448). Таким образом, китайские художники различали «цин» как традиционный цвет растительности и «люй» как её истинный цвет. Поэтому «камень лазурит называется ши-цин, то есть камень-синева, а малахит называется ши-люй, то есть камень-зелень» (4, 448).

Запад относится к триграмме *Дуй*. Эта сторона света связывается в сознании китайцев с осенним сезоном, прощанием с летом. Для жителей Европы осенняя пора - это золото и багрянец опадающей листвы, период дождей. В чём-то это представление совпадает с китайским, что отражается отчасти в названии триграммы. «Дуй» означает «Разрешение», образом является водоём, а свойством- «Радостность». Возможно свойство триграммы связано со сбором урожая, когда белоснежный рис засыпается в закрома. Может быть именно цветом осени стал белый. Существуют, однако, и другие догадки. Дело в том, что планетой запада считается Венера или по-китайски Тай-бо, то есть «Великий белый». Учитывая тот факт, что запад считался местом обитания умерших душ, становится понятна эта траурная символика цвета (белый цвет считается траурным), ведь эти скорбные одежды делают из неокрашенного полотна. «Отправиться на запад» - значит уйти в царство мёртвых.

Владычицей запада является богиня Си-Ван-Му. Иногда в поэзии упоминается о тигре или барсе или, как например, у Ду Фу речь идёт о «Белом Владыке» - хозяине запада. Эти хищники есть не что иное как зооморфизмы Си-Ван-Му. Судя по описаниям, она напоминает человека, но имеет хвост барса и клыки тигра. Эта суровая дама очень могущественна и насылает на людей небесные кары. Неподвластны ей только святые, мудрецы и даосы. В её роскошном саду растёт чудесное персиковое дерево, плоды которого даруют бессмертие и обладают

сверхъестественными свойствами. В сказке «Как юноша любимую искал» говорится, что возлюбленную героя похитил страшный чёрный оборотень. Прощаясь, девушка советует искать её на западе. Длительные поиски приводят юношу к реке, и преодолеть эту водную преграду ему помогают персики. По реке плыла веточка с тремя плодами и герой, взяв в рот один из них, обрёл способность ступать по воде, как по суше. Китайцы почитали это дерево ещё за одно свойство - способность отгонять нечистую силу.

Поскольку осени соответствует стихия металла, Си-Ван-Му часто в поэзии называют «матушкой металла» или «золотой матушкой». Как бы то ни было, несмотря на то, что белый цвет стал символом осени «цвет золота» также присутствует в стихах, посвящённых этому времени года. Осень навеивает на поэтов печаль, размышление о прожитых годах и предчувствие подкрадывающейся старости. В средневековом Китае поэты любили уходить в горы (этого требовала даосская половинка их души), чтобы там насладиться обществом таких же друзей-поэтов и за чаркой доброго вина декламировать стихи, созданные только что на выбранную тему. Это было своего рода поэтическое состязание. В бокал с вином они добавляли горчашие на вкус лепестки хризантем, чтобы даже в счастливом окружении единомышленников не забывать о приближающихся временах печали. Может быть поэтому из всего многообразия цветов именно хризантема стала символом осени, в то время как роскошный и благоухающий пион стал символом весны. Вот фрагмент из стихотворения Цзао Сы на эту тему:

На дне моей чаши лесной хризантемы цветы,
Я весь в орхидеях, цветущих в безмолвии гор.
О, как я хотел бы бежать от мирской суеты,
Навеки забросив чиновничий жалкий убор!

(1, 24)

Следующая триграмма **Кань** ассоциируется с севером. Свойство её - опасность, а образ - вода. Покровителем севера является Меркурий, не очень яркая планета. Чёрный цвет стал цветом зимы. Издавна эмблемой севера была черепаха, находящаяся в объятиях змеи (сюанью). Такое странное сочетание имеет своё специфическое объяснение. Дело в том, что древние полагали, что все черепахи - непременно существа женского пола, и они выбирают себе в «супруги» исключительно змей, воплотивших в себе силу ян. Учитывая тот факт, что и черепахи, и змеи относятся к хтоническим существам, что подтверждают мифы разных народов, такое сочетание вполне оправдано, но вот почему эта эмблема соотносится с севером, объяснить трудно.

Триграмма **Ли** означает Сцепление. Свойство её - ясность, а образ - огонь. Покровителем этого сезона является воинственный Марс. Как и в России, лето китайцы считали поистине «красным», потому что именно этот цвет призван символизировать самое благодатное и тёплое время года, когда созревает урожай. Красный цвет - это ещё и цвет жизни, кро-

ви и наверное поэтому он стал цветом свадьбы, так называемого «красного торжества», когда доминирующими становятся красные оттенки. Невесту наряжают в красное платье, а жених - в зелёное. Соответственно символом женского начала и невесты стала воскресающая из пепла птица феникс, а символом жениха - дракон. В Китае сохранились очень интересные обычаи, связанные со сватовством и браком. Обе стороны как правило обмениваются специальными табличками, на которых зафиксирована информация о месте и точном времени рождения будущих супругов, об их семье и так далее. Если помолвка состоялась, то обе дощечки, на которых изображены мифические символы жениха и невесты, скрепляются красным шнуром, что подчёркивает нерушимость брачных уз. Существует легенда, навеянная явно даосской традицией, о том, что ноги будущих супругов связывает древний старик, у которого находится огромная книга - реестр имён тех, кому суждено стать мужем и женой. Разрубить эту красную нить невозможно. Китайцы свято верили, что браки совершаются на небесах и прислушивались к «языку примет» и если, не дай бог, до свадьбы в семье жениха или невесты начинали происходить нехорошие события (разбилась ваза, что-нибудь загорелось и прочее), помолвку расторгали.

Прежде чем обратиться к символике, принятой в изобразительном искусстве, хотелось бы сказать несколько слов ещё о двух сторонах света. Речь пойдёт о северо-востоке. В «Книге Перемен» говорится: «неблаго-приятен северо-восток», что само по себе звучит как предостережение об опасности. Почему? Это направление как-то связано с нечистой силой. Даосская традиция постепенно вводила культ образов низшей мифологии. В сказках и новеллах средневекового Китая часто фигурируют духи стихий, неприкаянные души умерших, а также оборотни. Считалось, что оборотни, а в особенности лисы-оборотни, прилетают как раз с северо-востока. Китайцы верили, что старинные предметы, а также звери, «пожившие» так сказать на этом свете, обретают дар превращаться во что угодно - даже в человека. Их поступки угрожают порой жизни людей. Забытая метла может превратится в оборотня-великана. Считалось, что если предмету или живому существу тысяча лет, то они обретают белый окрас, а уж если десять тысяч, то чёрный, и тогда уже возможна фантастическая трансформация. Часто в сказках оборотни предстают в виде чёрной рыбы. В упомянутой выше сказке «Как юноша любимую искал» герой вступает в поединок с рыбой: «Сама рыба-оборотень чёрная, на голове шлем серебряный блестит, на теле панцирь из серебра сверкает»

(2. 65). Лисиц-оборотней в пятнадцатом веке изгоняли всерьёз, ударяя по ним куском старого дерева, чтобы вернуть предмету или животному изначальный вид.

Юго-запад, напротив, считался хорошим направлением: «Благоприятен юго-запад, там свидишься с добрым человеком» - так говорится в «И цзине». В сказке «Жёны в зеркале», например, отец наставляет

своих сыновей обратить зеркала в эту сторону, чтобы увидеть в них образы будущих жён. Юго-запад всегда предвещает только хорошее

Об искусстве и эстетике китайской живописи написано много интересных работ. Из наиболее известных назову лишь труды Н.А. Виноградовой, Е.В. Завадской, Дж. Роули, С. Соколова-Ремизова и др. Все авторы отмечают связь жанров и образов искусства слова и живописи, их «сезонную» обусловленность. Эта специфика очевидна, потому что человек понимает себя как часть Природы, которая включена вместе с ним в процессы генезиса непостижимого Дао. Природа величественна и совершенна и выражение личных чувств и переживаний вполне возможно через её образы. Китайская средневековая традиция выработала и закрепила определённый язык выразительных форм, освоение которых способствует пониманию всей прелести и изысканной простоты китайского искусства, лишённого страстей и агрессии, нацеленного на поэтизацию Порядка, Красоты и Гармонии.

Картины природы относятся к жанру «горы-воды» и в этом названии оказывается уже заложенной идея равновесия и гармоничности, поскольку гора как обязательный элемент пейзажа олицетворяет силу ян, а вода - силу инь. Представить себе произведение, выполненное в этом жанре, без какой-либо из этих составляющих, невозможно, потому что это нарушило бы гармонию мира. Излюбленными растениями китайских мастеров слова (речь идёт о пейзажной лирике как жанре) и живописи были сосна, бамбук и слива мэихуа («три друга холодной зимы»). Сосна стала символом постоянства благодаря тому, что её крона круглый год остаётся зелёной. Вот что написал о сосне поэт Лю Чжень:

Одиноко склонилась сосна на макушке бугра,
А внизу по долине холодные свищут ветра.
До чего же суров урагана пронзительный вой,
Как безжалостно он расправляется с этой сосной!
А наступит зима - как безжалостны иней и лёд,
Только эта сосна остаётся прямою весь год.
Почему же в суровую стужу не гнётся она?
Видно, духом особым крепки кипарис и сосна

(1, 23).

Бамбук сочетает два важных свойства - твёрдость и гибкость, способность противостоять натиску ветров и не ломаться. Кроме того, известно,

что он полый внутри, а значит «способен к восприятию», ибо заполнить можно только то, что пусто. Вот почему бамбук стал ещё символом мудрого человека.

Символика в живописи и поэзии тесно связаны с мифологией и в рамках небольшой статьи трудно объять эту тему целиком, поэтому можно ограничиться, наверное, расшифровкой наиболее значимых и общепринятых символов, которые выделены были, в частности, и в

работе Л. Сычёва, посвящённой китайскому костюму, и в трудах знатоков поэзии.

Символами бесконечности и долголетия являются: свастика, бесконечный узел, гриб, ноготки, нарцисс, персик, цикада, черепаха. На белом журавле по преданию летали бессмертные, поэтому эта птица ассоциируется именно с ними. Может быть по этой причине изображение журавля на платье манчжурского чиновника говорило о том, что он является счастливым обладателем самого высокого чина. Что касается черепахи, то она зачастую изображается вместе с коричневым деревом как пожелание долгих лет жизни. Коричное дерево произрастало, как полагали китайцы, на Луне, и вместо банальных пятен они видели на лунном диске черепаху и его очертания. Сидя под ним, лунный заяц готовит в ступке эликсир бессмертия, одним из ингредиентов которого является кора коричневого дерева. Вот почему Ма Чжюнь в одном из стихотворений говорит:

Как посланец Чан Э,
Дух коричный летит.

Поэт вспоминает легенду о том, как богиня Чан Э сумела вознестись на Луну, украв у своего супруга, героя И напиток бессмертия. Символом Луны являются жаба Юэчань и упомянутый выше заяц Юэту.

Богатство и знатность олицетворяет пион - воплощение роскоши и благоухания.

Мир и покой символизируют лотос и ваза;

Пожелание многочисленного потомства выражается через изображение рыбы, плодов граната, семян лотоса, пылающей жемчужины;

Семейное счастье символизируют пара бабочек. Китайцы очень любили изображать их на платье и этот узор называется сисянфэн, то есть «встреча радостей». Счастье сулят и летучие мыши, потому что они являются омонимом к слову фу - «счастье». Мыши означают пожелание счастья вообще, а не только семейного. Это пожелание, однако, можно выразить и через изображение цина - музыкального инструмента, на котором любил играть Конфуций.

Пожелание успеха символизирует карп. В глубокой древности он считался царь-рыбой и почитался наравне с драконом. В 4-6 в. н.э. сложился образ царя-дракона, а карп стал считаться его сыном. Успех приносит и изображение барабана, а мираж символизирует мечту о карьере.

Существуют особые узоры, которые считаются как развёрнутое пожелание. Если на платье девушки вышиты гриб, пион, бамбук и персик, то это означает, что «святые бессмертные желают вам счастья и долголетия». Принято также желать «три много»: много счастья (зубу идею выражает пальчатый лимон-фошоу (рука Будды); много сыновей - плод граната - лю; много лет жизни - персик-тао.

Такова вкратце символика образов и чисел, принятая в Китае. Этот ряд, наверное, можно было бы продолжить, но приведённые символы являются основными. Их изучение позволяет увидеть монолитность и взаимную обусловленность символических рядов, которые уходят в глубокую древность. Совершенно очевидно, что постижение китайской культуры, в частности искусства, невозможно без освоения пластов языковой и образной выразительности, созданных народным гением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайская пейзажная лирика. М., 1984.
2. Китайские народные сказки. М., 1972.
3. **Сычэв Л.** Китайский костюм: символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.
4. **Шеффер Э.** Золотые персики Самарканда. М., 1981:
5. **Щуцкий Ю.** Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1993.
6. **Юань Кэ.** Мифы древнего Китая. М., 1975.